

А-полумесяц

Союз Революционных писателей, издательство «Гилей» и союз Борьбы с Православием представляют

ПОЛ И ДВИЖЕНИЕ.

(УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ТИПАЖИ И ИХ ОТНОШЕНИЯ)

1-ый текст (романы бывают в жизни, стихи под луной - на бумаге тексты) представляет собой абрисы универсальных типов (абрис - так назвал Чернышевский главу о Рахметове - схема). Лондон понятие универсальное - туман. 2-ой текст абстрактная динамика их отношений.

Отражение вышесказанного в перпендикулярности расположения текстов.

2-ой текст

У ВСЕХ С ЭТИМ ПРОБЛЕМЫ

Предисловие

Я начал писать рассказ. Уже есть название (см. выше). Можно было выбрать другое, например: "Маринованные кальмары не воскресают" или "Мама я не буду больше смотреть телевизор" или вот - "Револьвер среди ног" (это бы подошло, в частности, речь пойдет и о таком предмете; но кто знает (кто скажет, кто напишет об этом, кто передаст сообщение?) как изменятся мои планы на протяжении непреодолимого развития этой истории. Ведь было же: тот мудрый старик в тюрьме (поначалу он приказал избить меня - это пошло на пользу, меня давно не били перед этим, в том и была моя проблема (кроме тех других, самых главных, о которых говорится в названии). Он, старый разбойник, сказал: "Тебе повезло, что она не оказалась людоедкой" Пока длились эти слова я начал думать, потом продолжил и в результате пришел к выводу, что в таком случае, рассказ, который бы написал тот, в ком воплотилась бы моя душа, этот рассказ назывался бы, к примеру "Пособие по употреблению в пищу человеческого тела". Предисловие кончается.

Начало. Попытка описания

На город опустились усталые как слоны Ганнибала весенние сумерки, голубые сверху, в небе и черные внизу, в переулках. Я устал от описания. Асфальт после дождя был потный как руки влюбленного президента. Было прохладно (тем кто находился на улице). Я очень устал от описания, оно отменяется. Поскольку все окружающее отражается в мыслительно-сенситивно-вербальном аппарате персонажей, то можно поступить следующим образом:

Сцена

На сцене люди, над ними экран. Заранее известно, что на экране титры выражают мысли персонажей и авторов, которые появляются на сцене. Какие-то неполадки: иногда титры идут с обозначениями персонажей, иногда без, иногда сопровождаются голосовым подтверждением, иногда нет. Случаются всякие казусы.

Например:

– Я память (голос).

– Я фантазия (голос).

– Кто из вас сильнее? (без голоса).

– Я (голос неразборчив).

– Кто сказал – у вас очень похожая... (сначала голос, потом пропадает и звук и изображение).

1-ЫЙ ТЕКСТ

Он парень двадцатого века
С руками-ветками
стальных дорог
Ни ни не попытался
он внезапно похудев
Сблевать навстречу
завтрашнему дню
Чтобы тем самым уложить
Все завтра на кроватьку
банковского сейфа
Лондонский лед
как мальчик незрелый
Треснул без шва-А-А
Он весь повесился
в своей прекрасной
жизни дорогой
Ветром погудим песенку
споем
Пулей просвистим
Ла ла ла ла
В сейфе у нас завтрашний
день
На завтра
На завтра

– Я еду в транспорте. Я интересный человек и потому одинок. Это подогревает интерес ко мне (голос автора).

– В таких случаях это болезнь. Обращаются ко врачу, существуют лекарства, терапия, самовнушение (голос старого человека).

– Познакомились мы просто. Помнишь песню? Не помню как на языке аборигенов, но в переводе приблизительно так: “Я не знаю как называется мое чувство к тебе, но я знаю металл, из которого сделаны твои серьги. Это золото.” (хриплый голос)

“Вот и вся любовь” – можно будет сказать когда все кончится (голос какой был у меня в 12 лет) подумал я и подошел к ней. Побудительным поводом помимо ее привлекательности, послужил тот факт, что у нее в руках была книга на интересующую меня тему (мистицизм, спорт, высшая математика, метеорология – ненужное зачеркнуть, если нужный термин отсутствует – вписать (титры без голоса). Между нами произошел разговор более длинный чем фраза которой я его обозначаю. У нее (я бесстыдно вру, так было у другой) глаза похожие на горное озеро в лесу без листьев и на восточный ковер вытканый гениальным дальтоником (как будет дальтоник женского рода?) – глубокие и полные чудных узоров.

– Глаза и уши поменялись местами

– В пространстве или во времени?

– Мы подумаем (женские голоса).

В песнях поют, что так не бывает. А если бывает, тогда я проехал нужную мне остановку общественного транспорта и решительный как всякий нормальный антигерой напросился на

провожать. Ее звали Катя (Катарина Витт – была такая восточногерманская фигуристка, она плакала когда получала золотую-золотую медаль. Вот такое трогательное действие мы смотрели по телевизору с девочкой, которую я очень любил (в юности это бывает). Что поделаешь: рассказ о любви (“У всех с этим проблемы”, “Мама я не буду больше смотреть телевизор”), приходится быть сентиментальным.

(Какие-то важные слова, которые мы позабыли произнесенные голосом мамы).

Сцена исчезает, появляется жизнь. (Голос мамы)

Мы с Катей двигаемся через парк. Вечер, когда все началось не подходит для описания моих чувств. Днем, весной деревья... “Пригласит она меня в гости или нет?” Подводная лодка “Надежда” последней идет на погружение. Два биатлониста один высокий, стремительный в своей худобе, другой приземистый коренастый (не менее подвижный, не думайте) осуществляют спуск по лесистому склону красивых гор.

– Время и Смерть (чья-то смерть близка) – их имена (биатлонистов).

– Действие давай! Автора под суд! Судью на мыло! Мыло в пиво! (титры разноцветные, голос моей нерожденной сестренки).

Когда мы с Катюшей поднимались по лестнице ничего интересного не произошло. Я попытался ее поцеловать, она с похотливым смешком (Идиот! Кретино! – это был нервный и коварный смех) оттолкнула меня. Воздушный шар “Надежда” ночует у меня в мозгу и в глазах

Она девчонка во-о-о
Двадцатый век
С руками колесующими
доллар
Как мальтийский Крест
Не пытаюсь похудеть вперед
Чтобы упрятать под подушку
Будильничек по кличке
«Завтра»
Сейчас усматривает
что же что
Она бы где смогла занять
Лондон так прекрасен сзади
Из одного куска
Но мы лишаем себя места
По дороге на закат
И все мы в тесноте
но не в обиде
Прижали завтра завтра
И не желаем даже
пробовать на вкус
Любую художбу в конторе дня
Сбегающего в завтра-ла-ла-ла
Она девчонка двадцатый век
Висит над своей
любимой житухой
Ну а мы потеснимся
чтобы засесть
Во владениях завтра
на завтра

даже когда покидает поле моего зрения, вливаясь в созвездия, которые днем недоступны наблюдению.

А Федю посадили по трагической случайности. О! У меня был молчаливый сокамерник. Философическая глубина его глаз пророчески кричала о том что его скоро убьют. Так и случилось, спустя пятнадцать лет, ревнивая жена зарезала его в день освобождения. Он разработал гениальный план уничтожения президента. В квартире одного из домов, на пути следования президентского кортежа, за шторами открытого окна, он установил радиоуправляемую пушку заранее прицелив ее, при помощи лазера на центр проспекта. Федя планировал включить ее с улицы в момент появления автомобиля с руководителем страны. Его арестовали по недоразумению – он был похож на известного насильника. Сохраняя полное спокойствие, будучи уверен, что его освободят, после установления личности, Федя уснул в камере. О, железные нервы! О, трагедия! О, Шекспир! Федор имел дурную привычку разговаривать во сне, его план был раскрыт. Провал операции – Федя мой сокамерник. Мы все сокамерники в этом мире. (То, что я забежал так далеко вперед надо оправдать философской сентенцией).

Канат “Надежда” не подвел – у Кати дома пусто и тихо. Я был возбужден, очко играло вальс “Гватемала”. А меж тем свобода (выбора? – нет) тикала как механизм веселой бомбы.

– Ну хоть какой-то интересный разговор у вас происходил? (цветные титры)

– Слова любви звучат морозно, поэма в прозе.

Поэма в прозе

Начало
Середина
Конец

или

Начало
Конец

– О, если бы я знал слова любви, то вместо рассказа написал бы письмо любимой девушке.

Три рано охрипших паренька идут по улице и поют:

Время топчет барак
На шагах конвоиров
И невольная ночь
Шуршит купюрами мрака
Звезды в небе над зоной
Поют песню об озерных глубинах
Твоих ласковых глаз
Солнце всходит над зоной
А в душе темнота остается
Здесь тебя со мной нет
А теперь никогда и не будет

Или что-то в этом роде. О, если бы услышав эту мелодичность я уразумел бы предупреждение. Но нет, душа моя пела другие песни:

Душа – индейка
Судьба – кукуруза

О, Катя, Катерина, как ты мудра, как ты коварна. В конце восемнадцатого века ты была бы Катериной Великой. Ты заранее знала, что когда ты разомлевшая задремлешь (она получила огромное удовольствие, уверяю вас, уверяю, даже будучи предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложных показаний)

Секс – попытка идентификации

Бобы
Гламиза
Глафира
Облака через мясорубку
Кофейные гномики поют песню
Про утреннюю зарядку:
И остается нам горячий мрык
Одной планеты на двоих
и т.д.

И вот пока ты дремлешь, любовь моя земная и трагическая, забавно, ты спишь, а я идентифицирую твои действия во втором лице. Я встаю и отправляюсь шарить по шкафам и письменным столам. Немного денег, золото (я плохой человек, ты это знала). И (ты знала так же, что я самовлюбленный идиот, я же ничего не понимаю в нотах) среди невероятного количества нотных сборников (Катя была музыкальным психоаналитиком, на морском острове она построила сумасшедший дом, где были настоящие санитары, а восковые фигуры знаменитых и не очень композиторов использовались в роли больных). Среди нот я нашел револьвер. Конечно кладу в карман: “Когда-нибудь я застрелюсь, как я красив”. О, Катя, у тебя железные нервы как у тех отчаянных сорви голов, которые насилюют детей в кабинках лифтов. Ведь твой друг (такую участь ты ему приготовила, можно пожелать только врагу). Он уже открывает дверь, видит меня, роняет цветы и торт (у тебя сегодня день рождения; счастья тебе, Катерина!) Торт падает и пугает кошку, которая спит в коробке у порога. На нем зеленое пальто с красными пуговицами (Я хотел купить такое же на деньги, которое украл у тебя и размер мой, можно было сэкономить), но пальто (как я люблю красивые вещи) уже никуда не годится. Два выстрела, третий осечка (Катя все предусмотрела 2 + 1 любовный треугольник) один в голову, другой в сердце. Я убил его. У всех с этим проблемы.

Критика, предложения и комментарии по адресу redkhmer@usa.net

© Верстка «Можбанк», 1998